

A winter landscape with snow-covered trees and a path. The scene is bright and clear, with a blue sky and a snow-covered ground. The trees are heavily laden with snow, and a path leads through the snow in the foreground.

18+

Людмила Андреева

СЛАБИНУШКА

Людмила Андреева

Слабинушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374696

ISBN 9785005183194

Аннотация

В книге рассказывается о трех семьях, живущих по соседству. Потеря ребенка у молодой пары становится безумным кошмаром, невольно затрагивающим и две другие...

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Слабинушка

Людмила Андреева

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8319-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слабинушка

1

(конец 70-ых)

Снежная равнина простиралась до самого горизонта. Лишь по правую руку сизоватой полосой виднелась кромка леса, к которой вела расчищенная бульдозером дорога. Молодожены Настасья и Николай направлялись по этой дороге в небольшую деревушку.

– Ещё немного и мы будем дома!.. – радостно произнес молодой мужчина. – Ещё совсем немного...

Настасья тяжело вздохнула. Как примет её свекровь?.. Молодую женщину с самого первого дня замужества не отпускало беспокойство по этому поводу. Наслышанная от подруг о сварливости и коварности немолодых женщин, она боялась не понравиться матери мужа. «Коли невзлюбит свекруха, то житья не даст! Как пить дать... разведёт или же, со свету сживёт...» – подзуживали подруги в общезнании, видя в Настасьиных глазах страх.

А Николай, когда она поделилась своими опасениями, улыбнувшись белозубой улыбкой, успокоил ненаглядную женушку:

– Моя мамаша характером – не сахар, но ты же не с ней будешь жить! Со мной!

Настасья застенчиво опустила глаза. Успокоил, называется. На душе было беспокойно от смутной неизвестности. Са-

ма она не знала своих родителей и воспитывалась в детском доме.

Больше полугода прошло со времени их знакомства. Работая раздатчицей в комбинатской столовой, она давно заметила чернявого худощавого высокого парня, ежедневно обедающего у них. Большие руки рабочего человека бережно брали тарелки с едой из раздаточного окна. И несло от его фигуры бензином. Глубоко посаженные глаза с золотистыми крапинками под густыми бровями смотрели в самую глубину твоей души, пытаясь выведать всю твою подноготную без остатка. Волевой подбородок с разделяющей впадиной по середине... Долго бы ещё они играли в гляделки, не встретясь случайно у Настасьиной подруги. Николай пришел с приятелем и возвращались они уже вместе. Так и стали встречаться. Николай работал водителем на предприятии и жил, как и она, в общежитии.

– Я деревенский. У родителей кроме меня, есть еще замужняя сеструха...

Не успели они сойтись, как в семье Николая случилось несчастье – умер отец. Сказались фронтовые ранения. Мать Николая потребовала возвращения сына под отчий кров.

– В доме нужен хозяин. Я одна – не справлюсь... – тоном не терпящим возражений, произнесла она. И Николай не посмел ослушаться. Собрали они с Настасьей немудреные пожитки и поехали на его родину. Около трех часов тряслись в холодном автобусе. Сойдя в чистом поле у остановки с ука-

зателем на развилку расчищенной бульдозером дороги, пошли пешком.

Впервые Настасье предстояло увидеться со свекровью, обрести родной дом... как долго она мечтала об этом. Тепло родного очага так манило её в свои объятия, что когда Николай предложил жить вместе – она сразу согласилась. Чувствовать себя защищённой от всех жизненных неурядиц – предел её мечтаний. Впрочем, весь её вид так и кричал о беззащитности – хрупкая среднего роста фигурка, серо-голубые бездонные глаза, окаймлённые выцветшими ресницами. Светло-русые волосы, всегда собранные в тугий узел на затылке... как только непослушная прядка выбивалась из него на свободу, то тут же проворные маленькие руки хозяйки умело возвращали на место. Пожалуй, её не назовешь красавицей, таких как она – множество. И вместе с тем она чувствовала себя любимой и счастливой! Её походка стала легкой и уверенной, а осанка выглядела гордо и величаво.

Николай при виде Настасьи сиял как майское солнышко, улыбаясь во все тридцать два зуба. «Какая она у меня ладная!.. – проносилось у него в голове. – Не хуже чем у Хромого!..» Приятеля Николая звали Лёней, но все деревенские за глаза называли того так из-за повреждённого ещё в школьные годы коленного сустава. Почти год назад привез Лёня жену-красавицу Валю-хохотушку откуда-то из дальней местности. Один её смех заливистый, заразительный – чего стоил!.. Хочешь не хочешь, а улыбнёшься в ответ... Деревен-

ские ребята, обсуждая эту новость, чуть не лопались от зависти. Шикарная молодуха с округлыми и соблазнительными формами, ну ни дать, ни взять – Мэрилин Монро сошедшая прямо с киноэкрана в гущу их деревенской жизни!

После приезда Хромого многие ребята, глядя друг на друга, начали обзаводиться семьями. Николай оставался последним из их компании, сложившейся с детских лет. Они дружной босоногой ватагой бегали купаться на пруд, в лес по грибы-ягоды и орехи, на рыбалку к речке, протекающей за полтора километра от их деревеньки. Повзрослев и отслужив в армии, все они разъехались в разные стороны. Кто завербовался на Север промысловиком, кто махнул на Дальний Восток и ушел в море... лишь немногие, оставшись в родных краях, работали в совхозе. Теперь и Николаю предстояло занять место среди них. Он рассчитывал снова сесть за баранку... ну, в крайнем случае – за штурвал комбайна. Механизаторы на селе всегда ценились. Да и заработки – более-менее жить можно. За два года, что провел в городе, Николай обулся, оделся и выглядел среди деревенских настоящим франтом. До недавнего времени у него была удлинённая прическа и, вдобавок, он хотел отращивать бороду, чтобы походить на блатных молодых людей. Таким мать его вообще не принимала.

– Сколь я тебе говорила, не приезжай домой в таком виде!.. – злобно выговаривала она сыну. – Неужто тебе трудно зайти в парикмахерскую?! Вурдалак вурдалаком!.. Тьфу,

смотреть на тебя тошно!.. – в сердцах сплюнула она. – Отец, ну ты-то что молчишь?! Вправь отпрыску мозги-то!..

Тот только обреченно махал рукой:

– Так ему сейчас хоть кол на голове теши, всё своё будет делать! Перебесится парень, перерастёт и в норму войдёт...

Нет, батя у него мировой мужик был! С понятием. ...Эх, ещё годик хотя бы пожил, они с Настасьей совсем тогда бы обжились. Может, со временем и квартиру им выделили бы. Хотя надежды на это очень мало. Люди в общежитских комнатухах по столько лет ждут, детишек нарожают и в тесноте живут. Всё равно, рано или поздно пришлось бы возвращаться под отчий кров. Но теперь у его мамыши не было повода придраться к нему. Космы свои он отрезал, как только стал встречаться с Настасьей. Ибо она то ли в шутку, то ли всерьёз заявила ему, что собирается коротко постричься.

– Раз ребята ходят как девчата, распустив волосы по плечам, то почему бы и мне не попробовать – идёт ли мне мальчишечья стрижка... – и лукаво на него посмотрела.

Посчитав это камушком в свой огород, Николай на другой же день в оставшееся время от обеденного перерыва зашел в парикмахерскую и попросил сделать спортивную стрижку.

Вечером зайдя за Настасьей и увидев её круглые от удивления глаза, произнёс:

– Надоело ходить обросшим... – на что девушка молча улыбнулась, отвернувшись к окну.

...Дёрнув на себя калитку, Николай пропустил вперёд жену и следом зашёл сам. Между тем открылась дверь дома и на крыльцо вышла женщина в чёрной плюшевой жакетке и сером пуховом платке. Из-под полы чуть ли не до пят виднелась тёмная клетчатая юбка с цветастым передником. На её ногах были подшитые черные валенки.

Увидев молодых, женщина всплеснула руками:

– Ну, наконец-то пожаловали!.. Я уж думала, вы так и не соизволите ко мне явиться!.. – недовольно проворчала она. Окинув невестку оценивающим взглядом с ног до головы – коричневое драповое пальто с белым пушистым воротником, белоснежной вязаной шапочкой и коричневые сапожки – продолжила: – Долго же вы собирались, однако...

– Мама, мы не могли сразу же приехать... заявление подали, а там – целый месяц отработки. Без этого трудовую книжку не дают!.. – начал оправдываться Николай, а Настасья почувствовала себя неуютно.

– Ладно, заходите... Я схожу к Евсеихе. Похлёбка в печке, хозяйничайте и меня не ждите!.. – подойдя к оробевшей девушке, она неожиданно ласково улыбнулась. – Ты дочка давай, принимай в руки хозяйство! Теперь это твой дом... – сгорбившись подобно древней старухе под тяжким грузом лет, пошла по натопанной в снегу тропинке. А ведь ей ещё и пятидесяти пяти нет...

В доме было чисто и тепло. Разноцветные домотканые половички-дорожки ручейками разбегались в разные сторо-

ны по крашеным суриком половицам. Возле двойного окна стоял самодельный деревянный стол со стульями, по бокам покрытый розовой скатеркой и сверху цветастой клеенкой. На окнах расшитые вышивкой ришелье белые занавески. Сверху до занавесок спускалась капроновая тюль. Справа за большой русской печью скрывалась аккуратно застеленная покрывалом с целой горой подушек в рюшечках железная панцирная кровать. Налево у стены находился старинный диван с высокой спинкой, дальше – раскрытая в другую комнату дверь. В углу висела икона с чадящей лампадкой... в зале, у бревенчатой стены, виднелся трехдверный шифоньер с большим зеркалом на дверце посередине.

Настасья, поставив сумку со стареньким, выдавшим виды чемоданом, стала расстегивать пуговицы на пальто. А Николай, сбросив с плеча увесистый рюкзак в угол, стал снимать полушубок и лохматую рыжеватую собачью шапку. Быстро раздевшись, он помог снять пальто жене.

Застенчиво улыбнувшись, она сказала:

– Куда наши вещи положить?

Николай пожал плечами:

– Наверняка – в шифоньер...

– А твоей маме это понравится, если я не спросивши займу полку?..

– Тебе было сказано, чтобы ты принимала хозяйство в свои руки... – Николай обнял жену и прильнул к её алым губам.

Настасья, смеясь, высвободилась из объятий:

– Слушай, если мы с тобой будем продолжать в таком духе, то и до прихода твоей матери не разберемся!..

– А ну все это к черту! Давай лучше, пока её нет, заляжем в постель...

Настасья заалела как мак. Шутливо ударив его по рукам, недовольным тоном произнесла:

– У тебя всё одно на уме, бесстыдник!.. – и, совсем разомлев от его ласк, прильнула к нему...

Когда в сенях послышалось скрип открываемой двери, Настасья пыталась освоить хват. Николай показывал ей, как ловчее с ним орудовать. Их вещи так и лежали у порога.

– А вы что, и не ели ещё?! – удивилась мать, увидев пустой стол и вещи молодых, о которые она запнулась при входе. – Чем же вы тут занимались?.. – увидев вспыхнувшее румянцем лицо невестки спохватившись, невозмутимо и понятно кивнула головой: – Ах, да... дело-то молодое!..

– Мы, мама, вас ждали, чтоб вместе пообедать... – нашелся Николай.

– Да какой обед, ужинать уже пора... – мать, сняв жакетку и освобождаясь от платка, прошла к столу и села. – Ну что, освоилась?.. – её цепкие глаза буквально выворачивали невестку наизнанку. – А ты, гляжу, проворная... дела у тебя спорятся... молодец. Мне тут Колька-то сказал, что детдомовская ты, сиротка... – Настасья молча кивнула. – А родители-то, где ж?..

– Я не знаю. Меня на вокзале, говорят, нашли... – она потупила глаза и стала аккуратно нарезать хлеб.

– Что ж ты милая, над хлебом так издеваешься?! – Настасья испуганно посмотрела на свекровь. – Кто ж так режет?.. – взяв из рук невестки нож стала отрезать толстые, чуть ли не по три сантиметра, ломти. – Вот как надо. А то что этот твой кусочек?! Раз откусишь – и нет его! Разве ж так режут?! Кто увидит сразу подумают, что мы скупердяи, жмотничаем!..

– Мам, ну Настасья режет так, как полагается. По культурному... – он взял аккуратненький кусок отрезанный женой и кособокий материнский, возразил с легкой улыбкой: – Ваш – и не укусишь. В рот еле влезает, если вообще залезет!..

– Уж больно культурные нынче все шибко стали!.. – обиделась мать. – Ты забыл, откуда твои корни-то идут? Твои деды и прадеды – испокон веков землю пахали, хлеб растили! И над ним так не измывались, не кромсали такими кусочками – на свет видно!.. – она в сердцах сплюнула и осенила себя крестом. – Прости меня, господи!.. Ты городские замашки-то позабрось! Тебе они здесь не понадобятся! Господи, срам-то какой!.. Небось, не подавишься!..

Настасья успокаивающе тихонько взяла руку мужа. Тут в сенях хлопнула дверь и напустив морозного воздуха, в дом вошла немолодая женщина.

– Аграфена, я тут... – и увидев молодых, радостно вскинулась: – Ой, да ты не одна!.. Молодые приехали...

Аграфена, упреждая весь её словесный поток, недружелюбно прервала:

– Что ты хотела-то?

Та внезапно стушевалась:

– Да ладно, ладно... я в другой раз зайду, это не к спеху!.. – махнув рукой, вылетела в сени...

– Дуня, стой!.. Вот малохольная! Ну, нисколько не меняется!.. – вскочив со стула, Аграфена подняла с плеч платок и выбежала вдогонку.

Настасья с Николаем переглянулись и рассмеялись. Минут через десять мать вернулась и в раздражении хлопнула дверь так, что невестка чуть ли не подпрыгнула у печи, разливая черпаком суп из чугуна.

– Делать мне больше нечего, как слушать бредни сивой кобылы!.. – сев за стол, она сердито поджала губы.

– Мама, зачем тетка Дуня приходила? – Николай с любопытством посмотрел на мать.

Та посмотрела на сына и перевела взгляд на подошедшую невестку с тарелкой дымящегося супа и сменила гнев на милость.

– Да ладно, ерунда какая-то, и говорить-то не хочется... – она махнула рукой. – Давайте будем есть, а то я голодная. Да и вы небось, тоже...

Настасья разложила перед каждым ложки и смутившись, подняла глаза на свекровь:

– Вы мне потом пожалуйста, покажите куда можно будет

положить вещи...

– Как же милая, как же... все покажу. Я вам несколько полок освобожу. Мужнины вещи, которые Кольке не пойдут в сундук положу, что в клетки стоит... – Николай с улыбкой на губах сел за стол. – А ты что как малохолный лыбишься?!

– Да так... – он пожал плечами. – Просто представил себя в мешковатой отцовской одежде... она ведь на порядок больше моего размера!

– А куда ж её? Не выбрасывать же справную, всё это денег стоит! Ничего, на работу – сойдёт!.. – отрезала мать. – Небось, по гулянкам шастать теперь не будешь? Всё-таки семья есть!

Тут Настасья, сев на стул, тихо произнесла:

– Я могла бы перешить, машинка швейная лишь нужна...

Мать одобрительно взглянула на сноху:

– Вот это по-нашему! Молодец, девка! – Настасья зарделась от скупой похвалы. – Коль владеешь машинкой, то я вручаю её тебе! – Аграфена степенно встала из-за стола и скрылась в другой комнате. Повозившись там минут десять, вышла с фанерным футляром в руках. Поставив его на табурет и обмахнув пыль передником, щёлкнула замком. – Я-то так и не наладилась шить, недосуг всё было. Сам всё, если что надо – строчил... хотела дочери отдать, да у неё своя есть, ещё летом муж справил, электрическая. Так что бери и пользуйся! Шей, перешивай – на здоровье!.. – со стуком открыв крышку и поставив её рядышком на пол, Агра-

фена вернулась на место. Взяв ложку в руки, принялась аппетитно поглощать суп.

Настасья от восхищения даже зажмурилась. Смущенно пробормотав «спасибо», искоса поглядывая на швейную машинку – предел её девичьих мечтаний – она еле сдерживала радость. Ещё в детдоме на уроках домоводства, научившись шить, она мечтала о том, как сама себе будет делать наряды, ничуть не уступающие тем, что были в продаже. Но так и не приобретя её, Настасья пользовалась машинкой подружки из соседней комнаты. Конечно, не бесплатно. Взамен шила и хозяйке, которая не отличалась особой усидчивостью и старанием. Ей было невдомек, зачем той вообще понадобилась машинка, раз стояла без дела. А продать та категорически отказывалась говоря, что это родительский подарок, приданое.

Николай, глянув на жену с сомнением, спросил:

– Ты шить-то умеешь?

Настасья вспыхнула:

– Почти всё, что у меня есть – я сшила сама.

– Правда?! – Николай удивленно поднял брови. – Всё-всё?..

– Всё, – подтвердила она.

– Вот уж не думал, что моя жена – мастерица... – скептически произнес он.

– Не веришь – не надо!.. – слегка обидевшись на мужа и стараясь не показать этого, пробормотала Настасья. – Сам

потом убедишься!

– Ну ладно-ладно. Не обижайся, пожалуйста, я ж пошутил!..

– С чего ты взял, что я обиделась?.. – удивилась она. И перехватив изучающий взгляд свекрови оправдываясь, тихо добавила: – Просто ты не правильно понял...

В доме зависла тишина, только ложки чуть слышно постукивали о дно тарелок.

После ужина Аграфена стала высвобождать полки шифоньера. Осторожно выкладывая на круглое деревянное сиденье стула вещи мужа, она то и дело застывала, думая о чём-то, сожалея о безвозвратно ушедшем, молча горестно вздыхала...

Николай сидел у лампового радиоприёмника и пытался настроиться на музыкальную волну, но то и дело вклинивались помехи. А Настасья растерянно стояла возле свекрови и не знала, как предложить ей помощь. Боясь показаться назойливой и в то же время нерадивой, в замешательстве смотрела на растущую стопку...

– Вот эту рубаху я ему вышила сама... – нарушила вдруг ставшее вконец тягостным молчание Аграфена, показывая невестке вышитую крестом, в народных традициях, рубашку. – Аккурат на свадьбу... – и протянула Настасье. – Сейчас молодёжь такие не носит...

– Жаль, но это так красиво!.. – восхищенно произнесла Настасья.

– И куда бы я в такой рубахе пошел?.. – хмыкнул Николай. – Народные мотивы нынче не в моде! И потом, всё это так кричаще...

– Ничего не кричаще! Много ты понимаешь в красоте!.. Посмотри как красиво, стебелек к стебельку, строчка к строчке... сколько души надо вложить, чтобы получился такой узор! – Настасья заворожено смотрела на рубашку и гладила выпуклую вышивку кончиками пальцев. – Да что ты в этом понимаешь!.. Это же настоящее творчество!

– Вот-вот!.. Молодец, дочка!.. – одобрительно кивнула Аграфена. – Чувствуется, что ты любишь рукодельничать. Наша кровь в тебе течет, деревенская... даром, что детдомовская, в городе выросла...

– У нас по домоводству учительница была очень хорошая!.. – тихо сказала Настасья.

– У моей Тоньки тоже учителя были не последние люди, а вот за пяльцы её за уши не засадишь! Не станет она за вышивкой время убивать... правда, у неё иная страсть – вязание! Как чуток время выберет, сразу за спицы хватается!.. – не то недовольно, не то хвалебно проворчала Аграфена. – Всех домашних – обвязала! А ты как, вяжешь?..

– Я?.. – ее лицо покрылось краской смущения. – Я... вообще-то, носки умею вязать... но, давно уже не брала в руки, так как вроде и без надобности было...

– А у меня сестра мужу джемпер связала! Не отличишь от магазинного!.. – похвастался Николай.

Аграфена сердито зыркнула на сына:

– Коль в магазине всего можно было бы купить, стала бы она с этим возиться! Чай лучше фабричное носить, чем связанное вручную!

– Да нет же, сделанное своими руками – гораздо приятнее носится. ... Это ведь... – Настасья вдруг замолчала, не найдя что сказать.

Аграфена вытащив из шифоньера последнюю стопку вещей, прервала снова зависшее молчание:

– Ну, вот. Занимай полки. А после, мы с тобой переберем всё это. Что, может, Кольке перешьешь...

Настасья согласно молча кивнула головой и стала укладывать их с Николаем вещи.

***

Только-только начиналась огородная страда, а у Леонида уже были готовы грядки под морковь. Он ещё осенью перекопал участок, дабы по весне, сразу, как сойдет снег и установится погода, приступить к посадке семян. Сейчас он лишь разбил границы между ними. Рядышком находились радующие глаз зеленеющие ряды посаженного осенью под снег, озимого лука и чеснока. Опершись руками о черенок лопаты, воткнутой почти на половину лезвия в землю, он довольно попыхивал сигареткой и окидывал взглядом оживающие плодовые деревья. Воздух до того был свеж и вкусен, что даже опьянял, кружа голову...

– Эх, как приятно пить такой воздух, крупными глотка-

ми...

– Поэтому-то ты и разбавляешь его «ароматом» табака?! – иронично вставила Валя, искоса поглядывая на мужа.

Леонид посмотрел на жену, на её заметно округлившийся животик и улыбнулся:

– А как же? Ведь я не в помещении курю... – он рукой разогнал дым в сторону от жены. – Теперь выходит, мне и на улице курить нельзя?..

– Отчего же, кури. Разве это я имела в виду? – Валя зажмурилась, подняв круглое лицо к солнцу. – Просто курением ты наносишь вред самому себе и своим легким.

– Ну предположим, легкие – мои. Что хочу, то и делаю. А что касается вреда, то это ещё бабка надвое сказала...

– Как это?.. – удивленными глазами посмотрела на мужа Валя.

– А так это... – невозмутимо продолжил он. – Все разговоры о вреде курения всего лишь пропаганда. Когда я работал на атомной станции, там специально давали табак – он защищает от радиации...

– Ладно врать-то!.. – отмахнулась от сказанного мужем Валя. – Придумываешь вечно невесть что, лишь бы оправдать вредную привычку.

– Не веришь – ну и не надо, – обиженно бросил он. – Только всё это правда! У мамки спроси, курил ли я раньше? Это я там пристрастился. А то так мне это надо...

– Ладно, ладно... – миролюбиво согласилась с ним жена,

зная, что спорить с мужем бесполезно. Всё равно так вывернется, что прав останется. Ещё и шутливо задирать начнет. За то время, что они были знакомы и жили вместе, она успела узнать немного его характер. Первое время Валя буквально вставала в тупик от его речей. Сложно было понять, когда тот говорил серьезно, а когда шутил. Это-то и сбивало с толку. Манера поведения, речи... частенько она слушала его, раскрыв рот и позабыв обо всём на свете. Может и из-за этого вышла за него замуж. Увлёк её, завлёл своими баснями, а когда очнулась – уже поздно...

Впрочем, Валя и не жалела, что вышла за него. Он её как муж вполне устраивал. Хозяйственный, и по дому помогает. Но главное – относится с уважением и не пьёт. А то у неё отец был алкоголиком, на мать руку то и дело поднимал. Пока не сгинул в сугробе, вся их семья мучилась ужасно! Уйти от него мать не могла, детей было мал-мала-меньше. Боялась, что не сможет их поднять одна. В итоге – двое старших братьев пошли отцовою дорожкой, терроризируя семьи. Когда её подруги отговаривали от поспешного на их взгляд решения соединить с ним судьбу, откровенно послала она всех их куда подальше!

– Что вы все решаете за меня? Будто я сама не в силах разобраться в чувствах...

Людка внешне похожая на цыганку, шмыгнула носом:

– Дуреха ты Валька, первосортная! На кой ляд тебе хромой мужик?.. Это ведь еще аукнется, как пить дать!

– Сама такая!.. – не осталась в долгу Валя. – Думаешь, я не вижу, что ты просто завидуешь мне!.. Я же помню, как ты кружила вокруг него, пока он не стал откровенно проявлять интереса к моей персоне!..

Та, округлив и без того большие глаза, выпалила:

– Да у него, если хочешь знать, приёмчик такой – как таких дурах-простушек на крючок цеплять... Лёнька сам Толяну как-то признался, что жениться хочет и только ту возьмет, которая попроще... вот ты-то и подходишь ему, уши-то развесила!

– Ну и что?.. – уперев кулаки в бок, Валя немного склонила голову и скептически глядела на Людку: – Он тоже человек, ему тоже семья нужна! А то, что он ищет девушку попроще, вовсе не означает, что он ищет деревенскую дуру!.. Я хоть и деревенская, но школу окончила. Прекрасно знаю, сколь будет дважды два!

– Таблицу умножения-то все знают, – хмыкнула Людка. – Помяни мое слово, ох как несладко живется с инвалидом бабе! У меня мамка до сих пор мается с батькой. Они все злые, как черти...

– Ты своего батьку-то с Лёней не ровняй! У твоего батьки обоих ног нет! Он войной покалеченный и контуженный, его можно понять, а мой Лёня... – Валя протяжно и тяжело вздохнула. – Он у меня другой, добрый... славный и понимающий.

– Все они добрые и понимающие, пока спят... – Люд-

ка опять шмыгнула носом. – Остановись, пока не поздно, Валь... – она умоляюще заглянула ей в глаза. – Не пара вы...

Валя тогда вспылила не на шутку:

– Да что это такое, в конце-то концов?! С тем не дружись – бабник!.. С этим не водись – ни кола, ни двора!.. За этого – не ходи! Он – инвалид!.. По-твоему, мне только этот мало-хольный выпивоха Толян подходит? Нет уж, выходи за него сама! А я сыта твоими советами по горло! Спасибочки! Я не хочу, чтобы меня мой мужик поколачивал. Именно это будет, если я буду слушать тебя! Иди к черту со своими советами! У меня есть голова на плечах... – и хлопнула дверью так, что в доме зазвенели стекла.

Они с детства дружили и это была первая серьёзная ссора между подругами. Валя всегда прислушивалась к Людкиным словам, поступая вопреки велению сердца. До тех пор у неё из-за этого не было ни одного мало-мальски серьёзного ухажёра. А ведь ей тогда было уже девятнадцать. Подозревая в подруге девичью ревность, Валя до поры до времени помалкивала, пока на горизонте не появился Лёня – кучерявый черноглазый парень, заметно прихрамывающий на правую ногу. Устроившись электриком в их хозяйство, он жил квартирантом у одинокой тетки Толяна и быстро сдружился с колхозными пацанами. Балагур и весельчак, за очень короткое время стал в деревне своим. Валя работала тогда на току и то и дело натыкалась на него. Одно время у неё даже мелькнуло подозрение, а не специально ли Лёня все-

гда оказывается там же, куда направлялась она? Но, считая всё это бредом заинтересованного воображения, гнала прочь подобные мысли. Ей казалось, что навряд ли этот парень положит глаз на неё, так как внешность-то у Вали заурядная. Чернобровая смугляночка с толстенной черной косой до пояса, карие чуть навывкате глаза и маленькие, почти кукольные губки. Правда, фигура у неё была пышная, ещё в школе мальчишки так и норовили ущипнуть девушку то за руку, то за талию, а то и за мягкое место... в ответ на это, правда, тут же давала звонкую затрещину нахалу.

Что и говорить, ребята нагтели по нарастающей. Стоило кому-то навязаться в провожатые, тут же лезли целоваться-обниматься, распускать руки. Но и отвечала Валя соответственно, её рука тяжеловата. Видно, напрочь отбивала желание продолжать знакомство... как иначе понимать, если второго раза, вернее, уже на другой день продолжения – не было. Может из-за того, что строго вела себя? Но она не хотела выглядеть в глазах ребят доступной девкой. Не хотела, чтобы их ворота были измазаны дёгтем. Да и она посмотрела в глаза матери – та живо оттаскает её за косу... нравы-то в деревнях не такие вольные, как в городе.

А Лёня... он не давал волю рукам. Он вёл себя совершенно иначе, не как деревенские ребята. У них было всё не так. Развивалось не по обычному сценарию, когда парень и девушка женятся. В компаниях, где они то и дело сталкивались, он лишь глазами приветливо улыбался ей. Девушке

казалось, всё, что тот в данный момент говорит – предназначалось только ей. Это было похоже на наваждение. Валя не пыталась переубедить себя, специально выяснять причины не хотела, а Лёня тем временем становился всё ближе и ближе. Вот и провожать стал до дому, но рук не распускал. Держал себя вполне прилично, никак не проявляя намерений. И только когда Валя случайно споткнулась и упала, подвернув ногу, он пришёл навестить её. Любопытная сестрѐнка при его появлении быстренько юркнула за ситцевую занавесочку и подглядывала, как те мнутя от смущения.

Мать, с его приходом ушедшая на работу мыть полы в деревенском клубе, спросила:

– Что он приходил-то?..

Сестрѐнка лукаво хихикнула, а Валя недоумѐнно пожала плечами:

– А я – знаю?..

– Они почти час в молчанку играли!.. – лукаво поблѣскавая глазами, пояснила матери сестрѐнка. – Слово скажут и молчат...

– И о чем же вы молчали?.. – мать хмуро посмотрела на старшую из сестер: – Делать, что ли, вам нечего...

– Да клинья он к ней подбивает, видно уже не вооруженным взглядом... – снова вставила сестрѐнка.

– Молчала бы, уж коли не знаешь! – Валя зло сверкнула глазами на сестрѐнку.

Мать сменила гнев на милость:

– И давно он так клинья-то подбивает?

Валя снова пожала плечами:

– Да никаких клиньев не подбивает. Просто парень он – ничего, толковый... с ребятами всё время вместе... всего пару раз до дому проводил.

– Небось, руки-то распускал?.. – снова недоброжелательно пробурчала мать.

– Не-е, у него этого даже в уме нет. Он не похож на наших... – поспешила ответить Валя.

– ...«Не похож на наших»... – передразнила её мать. – Все они такие, пока... – тут она запнулась. – Ты смотри, он приезжий. Чужак. Мы его не знаем, будь поосторожней с ним... Он сегодня тут, а завтра там... и поминай, как звали. А тебе тут жить.

– Ой ну мама, всё тебе лиходеи-насилъники мерещатся, да не там, где надо. Таких не только в деревне, но и по округе сколь угодно! Коль головы на плечах нет, то и со знакомыми можно так опростоволоситься, что мало не покажется!..

Мать подозрительно глянула на дочь, которая зябко куталась в старенький полушалок, сидя на своей кровати:

– Что-то ты, краля, недоговариваешь...

Валя невинно хлопая ресницами, отпарировала:

– А что я недоговариваю? Надо мне это? Я вся перед тобой – как на ладони...

Для матери чистота девическая была больной темой. Провожая на улицу своих девчонок, она всегда приговаривала:

– Смотрите, чтоб мне за вас потом стыдно не было!.. Коли себя не сбережете, опосля куда угодно идите, но домой лучше не возвращайтесь! Прокляну! Двери даже не открою, сгинете для меня в небытии!.. – а что может быть страшнее для человека, чем праведный гнев родной матери, воспитанной в патриархальных устоях? По крайней мере, Валя не хотела быть преданной анафеме. Для неё это страшное дело. Ей хотелось прожить жизнь с чистой совестью и душой. Да и куда ей – ни специальности, ни профессии. Учиться не пришлось, за плечами лишь восьмилетка. Нет у нее тяги к этой учебе. Что голову ломать, в деревне и этого хватит. Да и не гоже женщине быть умнее мужа. Это ещё бабка говаривала, отцова мать, жившая ранее с ними под одной крышей. Вот и не стремилась она в ученье, как другие. Читать-писать умеет, и ладно. Главным для женщины должен быть семейный очаг и воспитание детей. Чтобы все одеты, обуты и накормлены были...

– ...Эй, кума Патрикеевна... – вывел её муж из задумчивости. – Ты куда уходишь всё время?

Валя отозвалась:

– Здесь я, никуда не уходила...

– Да-а?! То-то, наверное, минут пятнадцать ты с отсутствующим видом тут стояла. Сама тут, а мысли где-то далеко витают!..

– Вечно ты что-то придумываешь!.. – встрепенулась Валя и, подхватив старое ведро с мусором, заторопилась в конец

огорода к выгребной куче.

Валя поймала себя на мысли, что Лёня-то и прав. Всё чаще и чаще она находится в такой прострации. Раньше не замечала за собой такой мечтательности. Наверняка это беременность на неё действует подобным образом. Иных причин не было. И потом, с замужеством её жизненный уклад сильно изменился. Замужняя степенная Валя мало походила на расторопную и беззаботную хохотушку-девочку. Правда, внутри неё всё ещё жив тот задорный бесёнок, норотивший при любом удобном случае шаловливо высунуть и показать красный язычок. Она еле удерживалась от подобных соблазнов. А женщине, готовящейся стать матерью, не к лицу детские проказы.

– Валюш, слышь. Я что забыл-то сказать... – Валя обернулась. – Утром видел Томку. Они со Славкой вечерком хотели заглянуть. – Лёня сплюнул сквозь зубы и придавил носком калоши окурок.

– А что случилось-то?.. – кинула тревожный взгляд на мужа Валя.

Он пожал плечами.

– Ничего... наверное, просто посидеть, покалякать. Она тоже в положении...

– А-а, понятно. Хочет устроить нечто подобное посиделкам... заседание по обмену опытом... – и она залиvisto засмеялась.

Тамара, про которую говорил муж, жила через два дома

напротив. Не то, чтобы они с ней дружны, но эта девушка первая, с кем Валя нашла общий язык по приезду сюда. Сейчас, когда уже прошло три года, как они тут поселились, ей то время и не хочется вспоминать. Тяжело Валя привыкала к новому месту жительства. Она никогда и не думала, что придется уезжать из родной деревни. Но так получилось, что жить им было негде, когда они надумали сойтись с Лёней. Расписавшись в сельсовете, они ещё долго жили по разным углам. Валя – у матери, где и так повернуться-то было не где, а он – на квартире. Его хозяйка наотрез отказалась пускать её под свою крышу в отместку за то, что девушка отказалась выходить замуж за её племянника.

Помаявшись подобным образом пару месяцев, Лёня сказал как отрезал:

– Хватит жить порознь, поедem к моей матери!

И, собравшись, уехали к нему на родину, где Валя ещё долго чисто психологически чувствовала себя не в своей тарелке. Свекровь встретила её хорошо, проблем никаких не возникало. Только никак не могла обвыкнуться с новыми обстоятельствами и в чужой местности. Работать устроилась на ферму, дояркой. А больше-то и некуда. Там её встретили вначале враждебно, и если бы не Тамара, окончившая к этому времени институт и занявшая место зоотехника, до сих пор ощущала бы себя птицей, прилетевшей из дальних краев. Это сейчас её тут все знают и уважают, а тогда... Тогда было всё иначе. Женщины встречали и провожали косы-

ми взглядами. Конечно, приходя... постоянно шушукались за спиной и отпускали сальные шуточки, вроде бы невесть кому адресованные, но Валя их молчаливо принимала в свой адрес. Что и говорить, эти три года тянулись для неё ужасно медленно и тягуче. Если бы не муж, давно бы она махнула на родину, под крылышко матери... туда, где всё знакомо до мелочей и тебя все знают как облупленную.

Леня, окончив сев семян, подхватив грабли и лопату, похромал к дощатому сарайчику, где хранился весь хозяйственный инвентарь – косы, поливочная лейка, ведра, пилы (ручная и моторная) и разный – нужный и ненужный в хозяйстве – хлам... Из дома вышла его мать.

– Вы сегодня обедать не собираетесь? Четвертый час уже...

– Сейчас, мама. Мы кончили. Валюша-а-а... – крикнул он жену.

– Иду, иду... – послышалось откуда-то из-за дома. И следом показалась сама.

Все трое вошли в дом и стали готовиться к обеду. Вымыв руки, Лёня сел на свое место за стол. Сколько он себя помнил, справа побоку от него раньше располагался отец. Он всю жизнь скитался по шабашкам, пока окончательно не осел у одинокой вдовушки пять лет назад. Рядом с ним (когда тот находился дома), всегда сидела мать. А слева от него в былые времена располагался старший брат, живущий сейчас со всем своим семейством в соседней деревне.

Теперь его место занимала Валя. Кушали они всегда в просторной котельной, выполняющей одновременно роль кухни. Дом обогревался паровым отоплением. Никакой скотины в хозяйстве, кроме кур-несушек, не держали. Мать днями пропадала в школе, учительствовала в младших классах.

– Ты пошел бы в школу, поговорил с директором... – мать искоса взглянула на сына. – Петрович хочет уйти на пенсию окончательно, только доработает учебный год. – Лёня непонимающе взглянул на мать и та пояснила: – А то Нина Петровна будет искать на его место замену. Чем в соседнюю-то деревню по три километра туда и обратно пешком шастать, лучше в школу устроиться...

Он пожал плечами:

– Меня устраивает должность, на которой я работаю. Нога вроде не беспокоит, а там видно будет...

В разговор вмешалась Валя:

– Ты бы лучше послушал маму, она дело говорит. Не век же ходить за семь верст, киселя хлебать... а тут, всё же дома будешь. Обедать домой придешь. Сходи к директору, поговори. Ну что тебе стоит? Когда ещё такая возможность привидится, коль найдут нового человека... – она умоляюще посмотрела на мужа.

Ему ничего не оставалось делать как шутливо поднять руки вверх – дескать, сдаюсь:

– Уговорили! Пойду и поговорю!..

– Когда?.. – чуть ли не хором произнесли женщины.

– Ну, может, на следующей неделе, – неопределенно начал он. – Выходной вот будет в Доме Культуры, я и загляну...

Мать возмутилась:

– А чего выходного ждать? Чего ждать, вот сегодня... – она посмотрела на висящие на стене ходики. – Нет, сегодня уже поздно. Завтра. Завтра пойдешь на работу – зайди. Что откладывать в долгий ящик...

– Ну, женщины!.. Ну нетерпеливый народ!.. Загорелось у них... – с усмешкой на губах проворчал Лёня.

– Правда, чего тянуть-то?.. – снова поддержала свекровь Валя. – Пока претендентов на его место нет – давай! А то потом получится так, что останешься при своих интересах.

– Так меня эта должность не манит... – хмыкнул он. – Скорей всего, это вы останетесь при своих... мне не плохо и на месте художника-оформителя. Меня всё устраивает, а вы всё что-то придумываете...

– Это я-то придумываю?.. – обиделась мать. – Ему добра желаешь, а он... тебе ж трудно ходить, не мне...

– Ладно, схожу я в эту вашу чертову школу!.. Далась вам она... – он раздраженно встал со стула. – Спасибо. Я пойду, покурю. ...И не надо меня так опекать! Я пока ещё себя вполне прилично чувствую!.. Слава богу – совсем не беспомощен!

Женщины молча переглянулись и, тяжело вздохнув, стали убирать со стола.

Лёня в раздражении затянулся сигаретой. Черт бы побрал

этих женщин с их чрезмерной заботой. Думал, женившись, вырвался из-под материнской опеки, а вот и нет! То была одна мать, теперь ещё и жена! Вот угораздило, что называется – из огня и в пламя! Когда уезжал из дома лет семь назад, надеялся, что всё в его жизни устроится лучшим образом. Поступил учиться, но закончить институт не удалось. Преподавателю марксизма-ленинизма не понравилась его вольная трактовка материала. Вышвырнутому из ВУЗа Лёне ничего не оставалось делать, как отправиться из того города во свояси. Так он оказался вначале художником-оформителем на одном из предприятий (в общем, работа по профилю – он учился на преподавателя черчения), а затем и на атомной станции. Оттуда его уволили по состоянию здоровья. От перегрузок стало подводить поврежденное колено. Так-то оно его и не особо беспокоило, но врачи постоянно предупреждали о возможности ухудшения дел. Он раньше думал, что всё пройдет. Но нет, травма колена оказалось серьезнее. Организм то и дело стал давать сбои. Что-то там нарушилось – Лёня не особо-то вникал в медицинские термины – и грозило очень серьезными последствиями в дальнейшем. Вообще-то, что в них разбираться, если он не врач. Это их дело заниматься болячками и лечить больных. А он жил как мог, по своему разумению и понятию. Стремился к чему-то и старался ничем не отличаться от других. Точнее, быть как все. Жаль, что диплома не удалось получить – отчислили под конец третьего курса за вольнодумство. Но он тогда только вы-

сказал свои рассуждения, не думая о последствиях. Другие его товарищи оказались гораздо умнее и не лезли на рожон. Помалкивали в тряпочку. А он по дури – закусил удила и... вперед, галопом по Европам! Не дурень ли? Недаром говорят: язык мой, враг мой. Надо думать, о чем говоришь – хоть и Сталинская эпоха прошла, но Хрущевская оттепель отзвонела. Наш Генсек не любит, когда народ выказывает инакомыслие. Диссидентство вошло в моду, но это отнюдь не дает дополнительные привилегии. Скорее неприятности так и будут липнуть к тебе. Лёня вообще не мог сдерживать себя, вспыхивал как порох. А слово не воробей, коль вылетит, то всё – пиши, пропало. Сколько корил себя за это. Надо вначале обдумать, что сказать, а уж потом... а потом и будет потом. Что теперь мусолить прошлое. Ладно, мать права. Завтра он заглянет в школу. Может, что и выгорит с работой. Но как-то всё будет? Всё-таки вести изостудию и уроки труда – тоже уметь надо. К детям особый подход нужен. Если не сможешь заинтересовать и удержать их внимание – то делать тебе в школе нечего. Что толку об этом беспокоиться – будет день и будет пицца!

Лёня загасил сигарету и, вспомнив, что его жена на сносках, улыбнулся. Неужели он через несколько месяцев станет отцом? Это кардинально изменит его статус. Теперь никто не скажет пренебрежительно и развязно – Лёнька с обязательной приставкой Хромой... в его жизни всё идет, как и других. Он женат, у них скоро будет ребенок – малень-

кий такой «спиногрыз». Который будет носить его фамилию, продолжая их род. Род Вербиных.

– Всё куришь?.. – на крылец вышла жена. – Слушай, в конюшне балка свалилась, чуть мне по голове не дала...

Лёня испуганно посмотрел на нее:

– Когда?

– Да утром...

– И ты мне только сейчас сказала?! – возмутился он.

– Хуже было б, если бы это была не я... – понизила голос Валя. – А опасность миновала... ты, когда будешь уделывать – проверь и все остальные.

– Естественно, – вырвалось у него недовольно, вроде как хотел сказать, мол, ты ещё мне будешь указывать, что делать. – Я сейчас же и пойду, до сумерков поработаю... – и Лёня, взяв из сарайчика ящик со столярным инструментом, направился на конюшню ремонтировать.

После того, как отец бросил семью, всё тут постепенно приходило в упадок. Хозяйству требовались мужские руки. У брата была своя семья, он вошел в дом к жене и не мог постоянно бывать здесь. Хотя тот, как Лёня с Валею приехал к матери, все хозяйственные хлопоты свалил на него. Резонно заявив, что раз под материнской крышей живешь, бери на себя все заботы. Вот и приходилось хозяйничать, порой крутиться как белка в колесе. Потому что – с одной стороны чинишь, а где-то с другой рушится и валится. Хозяйство скидок ни на что не давало. А раз ты единственный мужчи-

на в семье, то и вся мужская работа – твоя! Оглядев валяющуюся балку, Лёня принялся проверять и другие. Те вроде сидели крепко, но его нога угодила в прогнившую половицу и застряла там. Негромко чертыхнувшись, он кое-как все же вытащил её и стал раскладывать инструмент. Пожалуй, работы тут хватит и на завтрашний день.

***

Слава, хлопнув дверцей директорского газика, рванул на себя ту, где, корчась от предродовых схваток, сидела его жена. На Тамаре не было лица. Закусив нижнюю губу зубами, она стала выползать из машины. Подхватив жену под локоть, муж повел её к дверям приёмного покоя.

– Ой, мамочка! Я больше не могу-у-у!.. – истошно заорала Тамара и ноги у нее подогнулись.

Тут из дверей выбежала медсестра и подхватив молодую женщину с другой стороны, зачастила:

– Милая, еще два шажочка осталось! Совсем чуть-чуть!..

– Да рожаю я уже! Он у меня вываливается!.. – выкрикнула Тамара. Муж беспомощно глядел на жену. Казалось, что через мгновение он и сам родит вместе с ней...

Улегшись на кушетке, Тамара пронзительно завопила:

– Ой, мамочка родная!..

В кабинете показалась врач.

– Разве ж можно доводить себя до такой степени!.. – недовольно пробурчала она. – Как только начались родовые схватки, надо было сразу сюда...

– Так, пока меня разыскали, пока я отпрашивался и доехал до дому... – начал оправдываться Слава. – Пока...

– А вам тут делать нечего, папаша!.. – резко оборвала его врач и стала выталкивать за дверь. – Идите, не мешайтесь тут!..

– Ой, мамочка родная!.. А-а-а!.. – понеслось ему вслед.

Слава растеряно остановился за дверью и оглядев пустой холл, направился к противоположной стене. Там висели правила пребывания рожениц, что можно и нельзя передавать в передачах. Уставившись невидящим взглядом, лихорадочно пытался сообразить, что ему теперь делать. Поехать домой или ждать тут. Но его всё равно туда не пустят.

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышла пожилая нянечка с вещами:

– Это вы сейчас жену привезли?.. – тот кивнул головой. – Вот, возьмите!..

– Как она там?.. – с тревогой и надеждой он показал глазами на дверь.

На лице нянечки появилась улыбка:

– Да ничего, повезли её в родовую. ...Это – первенец? – Слава отрицательно помахал головой. – То-то я гляжу, ты в годах. А что же растерялся-то? Дело житейское – жена рождает! Что ж так переживаешь-то?

– Жена рождает первого... – уточнил Слава. – Это у меня второй брак... первая-то при родах умерла...

Нянечка понимающе кивнула головой и полюбопытство-

вала:

– А, ребяточек как?

– Что ему сделается?.. – грустно пробурчал он. – Живёт...

– С вами?..

– А с кем же ещё?! Конечно, с нами. Страшновато мне, за жену...

– А что ж бояться-то?.. – ободряюще улыбнулась нянечка и похлопав мужчину по плечу, продолжила: – Врачи не дадут плохому случиться... да и она у тебя женщина телосложением крепкая, молодая, выдюжит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.